

ВИТАЛИЙ ВОРОТНИКОВ

КУБА, ЛЮБОВЬ МОЯ...

К 50-летию победоносной Кубинской революции мы, с любезного согласия автора, печатаем несколько фрагментов из его новой книги “Памятные встречи в пути. Страницы из дневниковых записей”, которая в настоящее время готовится к изданию.

Виталий Иванович Воротников — крупный государственный и партийный деятель советской России, Председатель Совета Министров РСФСР (1983—1988 гг.) и Председатель Верховного Совета РСФСР (1988—1990 гг.). Почти четыре года — с 1979-го по 1983-й — Воротников был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба. Его воспоминания о работе на Кубе проникнуты нескрываемой симпатией к подвигу героического кубинского народа и его вождей — братьев Кастро, насыщены духом времени, отличаются искренностью и подлинной достоверностью.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Моё знакомство с Фиделем Кастро Рус, легендарным бородачом, возглавившим в 50-х годах борьбу кубинского народа против ненавистного проамериканского режима Батисты, состоялось в Воронеже летом 1972 года*.

Как оказалось в дальнейшем, посещение Воронежа большой делегацией Республики Куба во главе с Фиделем Кастро имело важное значение и для города, и для меня лично.

Ф. Кастро уже в течение трех недель ездил по странам Африки и Европы. Побывал в Гвинее, Сьерра-Леоне, Алжире, затем в Болгарии, Румынии, Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии и 26 июня прибыл в Советский Союз. Фидель довольно долго не был в СССР. Наше руководство придавало большое значение этому визиту. Нужно было снять наслонения прошлых лет, связанные со знаменитым Карибским кризисом.

* В это время В. И. Воротников возглавлял Воронежскую областную организацию КПСС.

С учетом пожелания гостя в программе пребывания кубинской делегации предусмотрена была и Воронежская область. Как мне объяснили в ЦК, Фидель хотел побывать на Нововоронежской АЭС, других предприятиях и ознакомиться со структурой обкома партии, принципами и методами работы провинциального партийного комитета в области экономики.

Мы стали готовиться к визиту. Надо было принять делегацию Кубы с сопровождающими – примерно 50 человек и около сотни журналистов, плюс большую группу советских товарищей: министров, ответственных работников ЦК КПСС, Госплана, МИДа, других ведомств. Тем более что Ф. Кастро сопровождали А. Н. Косыгин (что было необычно: он, как правило, не ездил с высокими гостями по стране) и секретарь ЦК К. Ф. Катушев. Разместили Ф. Кастро в единственном в Воронеже гостиничном особняке из трех номеров на ул. К. Маркса, а для А. Н. Косыгина и К. Ф. Катушева освободили два домика в дачном поселке облисполкома близ села Репное, в 15 километрах от города. Остальных – в гостиницу “Россия”.

Программу согласовали такую. Встреча в аэропорту, по пути, на Задонском шоссе, возложение цветов у мемориала-памятника на братской могиле защитникам Воронежа в годы Великой Отечественной войны. Размещение в резиденциях. Беседа в обкоме КПСС. Во второй половине дня посещение авиационного завода и объединения “Электроника”. Вечером приём в честь делегации в ресторане “Славянский”. На другой день поездка в г. Нововоронеж. Осмотр АЭС. Посещение колхоза. Возвращение в Воронеж – заключительная беседа и отлёт делегации в Москву.

Утром 1 июля мы заранее приехали в аэропорт. Ждём. С борта самолета сообщают, что по согласованию с Фиделем А. Н. Косыгин меняет программу сегодняшнего дня: из аэропорта сразу ехать на заводы, беседу в обкоме перенести на вторую половину дня. Значит, надо ломать спланированный порядок. Быстро уточняем детали и направляем гонцов на авиационный завод и в объединение “Электроника”.

Самолет приземлился. Народу в аэропорту масса – все хотят увидеть легендарного лидера Кубы. Встреча теплая, дружеская. Фидель идёт вдоль приветствующих его людей, улыбается, принимает цветы, пожимает руки. Но как-то сдержан, неторплив (это обычная манера личных контактов Фиделя с людьми, он не “работает на публику”, а ведёт себя просто, приветливо, не больше), под стать ему и А. Н. Косыгин. Садимся в открытую машину и – к городу. Церемония у мемориала на Задонском шоссе. Вновь продолжаем путь. Въезжаем на улицы города. Неожиданно собрались тучи, стал накрапывать дождь, потом всё сильнее и перешёл в сплошной летний ливень. Улицы запружены встречающими, люди не только заполнили тротуары, они в окнах домов, на балконах, мальчишки взобрались на деревья, телеграфные столбы. Дождь не помеха, а в радость воронежцам, изнывающим от жары. Фидель, видя массу сердечно приветствующих его людей, отвечает на приветствия, машет рукой, улыбается. О чем-то спрашивает Алексея Николаевича, тот отвечает, а Олег Дарусенков переводит. Дождь прекратился так же внезапно, как начался. Вымокшие, мы приехали на авиационный завод.

Сопровождаемые приветливой толпой, проходим по цехам главного корпуса. Директор завода Б. М. Данилов дает объяснения. Сборочный цех поразил Фиделя, он восхищенно смотрит на самолеты. Поднялись в салон машины. Там нас встретили министр авиационной промышленности П. В. Дементьев и главный конструктор А. А. Туполев. Разместились в креслах, передохнули, и Ф. Кастро забросал Алексея Андреевича вопросами о конструктивных особенностях машины, применяемых материалах, лётных параметрах (скорость и дальность полета, грузоподъемность, мощность двигателя, расход горючего и т. п.). Туполев обстоятельно отвечал. Особенно напирал Фидель на экономические характеристики. Возник спор. Фидель тут же на бумажной салфетке, используя названные цифры, сделал прикидку себестоимости полета, обслуживания и т. д. Пришлось с ним согласиться, что пока на дозвуковых самолетах летать выгоднее. Тем более что на Кубу Ту-144 без промежуточной посадки не долетит, так как дальность его полета пока чуть больше 4000 км. Эти прикидки Фиделя в определённой степени заделали не только Туполева, но и нас. Казалось кошунством критиковать ультрасовременную, элегантную машину. Однако мы были удивлены, когда Фидель высказал несколько раз свое восхищение заводом,

тепло говорил с заводчанами, шутил и охотно согласился сфотографироваться у ворот сборочного корпуса.

Затем переехали в объединение “Электроника”. Фидель внимательно вглядывался во всё, что делалось в этом блистающем чистотой и порядком цехе, слушал объяснения. Уровень технологии, требования к качеству полупроводниковых приборов произвели сильное впечатление не только на Ф. Кастро, но и на А. Н. Косыгина. Очень толково объяснял специфику производства В. Г. Колесников — бывший генеральный директор, недавно назначенный первым заместителем министра. Алексей Николаевич дотошно вникал во все тонкости технологии, интересовался работой в “чистой комнате”, бригадной организацией инженерного труда, оплатой, условиями жизни в Воронеже. На выходе из корпуса у Фиделя состоялась теплая, откровенная беседа с женщинами-работницами. Говоря о делах в области, они посетовали на погоду, что трудно на селе, в этом году небывалая засуха. Фиделя буквально поразила забота заводских работниц о делах, казалось, для них сторонних. Он переспросил даже: “Как, вы работницы завода, а переживаете за село?!” Потом неоднократно повторял: “Какая высокая сознательность людей! Что значит социалистическое общество. Ничего подобного нет за кордоном. В капиталистических странах каждый болеет только за себя. А здесь...” Из объединения “Электроника” мы проводили Ф. Кастро до резиденции, а сами уехали в Репное.

После обеда началась беседа в обкоме КПСС. Ф. Кастро сразу поломал заготовленный порядок встречи, прервав мою вступительную речь, стал задавать совершенно неожиданные вопросы. Часто резко менял тему. Иногда, не дослушав ответа, задавал новые вопросы. Вступал в спор, в полемику. Это подзадорило и меня, но не сбило с толку, я даже почувствовал себя раскованнее, увереннее, что придало беседе живой, непосредственный характер. (Лишь позже я понял, что такое поведение органически присуще Ф. Кастро, а моя горячность в споре импонировала ему.)

О чём говорили? Об организационной структуре партийных комитетов, их составе и принципах работы с кадрами, методах влияния обкома партии на экономику области, связи обкома с низовыми структурами партии, с советскими органами, с Совмином СССР и РСФСР, министерствами и ведомствами, с ЦК КПСС. Подробно допрашивал меня об экономическом состоянии области и города, социальном положении населения. Особенно он упирал на вопросы сельского хозяйства: каковы принципы работы колхозов, совхозов? В чём их отличие? Много времени ушло на объяснение технологии возделывания сахарной свёклы и производства сахара. Эта тема ему была близка и интересна. Возник между нами спор о рационах кормления коров, выпасе их на пастбищах, нагрузке коров на гектар культурных пастбищ. Он не соглашался с моими выкладками. Занимаясь предметно мелиорацией, я помнил нужные цифры на память и приводил их, отстаивая свою правоту. Возникла осязаемая напряжённость. Насторожился и Алексей Николаевич. К общему удовлетворению, спор разрешился, так как Фидель вёл свой счёт на круглогодовой выпас скота, как это делалось на Кубе, а я исходил из того, что у нас коровы пасутся 4–5 месяцев в году. Под одобрительные реплики и шуточки, что я выдержал “артобстрел” Ф. Кастро, завершили встречу.

Прием в ресторане “Славянский” прошел хорошо. Удалось разместить около 160 человек. Воронежские повара и кондитеры расстарались, угостив русскими национальными блюдами и яствами. Я коротко приветствовал гостей, затем выступил с дружеской, образной речью Ф. Кастро. Отметил, что Воронеж встретил его символическим дождем, как и в Сантьяго-де-Куба во время визита туда А. Н. Косыгина. Фидель высоко отозвался о техническом уровне авиационного завода и заводе полупроводниковых приборов. Его особенно тронула теплая искренняя встреча делегации воронежцами, беседы с работниками заводов. Особо выделил заботу рабочих о делах в сельском хозяйстве. Говорил о том, как отрадно видеть сегодняшние успехи горожан. Высказал слова благодарности руководству области и города за организацию встречи. Подчеркнул и “высокий авторитет и компетентность первого секретаря обкома”. Провозгласил тост за горожан и присутствующих высоких представителей советского руководства.

Неожиданно взял слово А. Н. Косыгин. Всегда очень сдержанный, неулыбчивый, даже суровый, он вёл себя в Воронеже приветливо, заинтересованно. Заявил: “Как вы понимаете, я человек бывалый, видел всего немало. Но и на

меня произвело глубокое впечатление то, что я увидел на авиационном заводе и в объединении “Электроника”: и организация производства, и технология, и конечная продукция, и люди...” Тепло говорил о Кубе, о Фиделе, о нашем сотрудничестве. Предложил тост за Ф. Кастро и кубинскую делегацию.

Обед прошёл без излишней помпы, спокойно, дружески. Уже около полуночи мы все, по предложению Алексея Николаевича, прошли пешком от ресторана на проспекте Революции до резиденции Ф. Кастро на ул. К. Маркса, чем вызвали восторг у находившихся в центре города в этот воскресный вечер воронежцев и заставили поволноваться охрану. Простившись с Фиделем, мы уехали в Репное.

На другой день утром отправились на машинах в Нововоронеж. По пути состыковались с колонной машин Ф. Кастро. Дорога шла по лесопосадкам, полями ряда хозяйств. Указывая на всходы, я объяснял, где что посеяно. Стали проезжать плантации сахарной свёклы. Это заинтересовало Фиделя. Он никогда не видел эту культуру и усомнился, что корнеплоды сладки на вкус. Остановились. Пошли по рядкам, выдернули несколько корней. Они были ещё маленькими. Очистили, отрезали кусочки. Ф. Кастро, А. Н. Косыгин и другие стали пробовать на вкус. Пожевав, закивали головами – да, сладкая. И весь оставшийся путь мы говорили только о свёкле и тростнике. Сравнивали технологию выращивания, семеноводства, уборки, переработки. Фидель отметил, насколько сложнее и дороже выращивать свёклу, нежели тростник – это растение многолетнее, его посадки обновляются через 5–6 лет.

Въехали в Нововоронеж, поселок АЭС. Все улицы и площадь перед Дворцом культуры запружены народом. Беседу организовали во Дворце, где наглядно, на схеме и макетах, ознакомили Фиделя с принципами и тонкостями работы атомной электростанции. Объяснял директор АЭС Ф. Овчинников. Ф. Кастро, как всегда, стремился добраться до сути. Потом поехали на станцию. Прошли все четыре блока. Особенно долго находились на 4-м блоке ВВР-440, который готовился к пуску в эксплуатацию. Интерес к этому блоку особый, так как именно такой тип реактора предполагалось построить с нашим участием на Кубе. Фидель замучил Ф. Овчинникова и министра энергетики СССР П. С. Непорожного вопросами. Долгий разговор был на стройплощадке нового 5-го блока, мощностью 1000 кВт, более сложной и безопасной конструкции, – его реактор укрыт мощным бетонным колпаком. После осмотра вышли на площадь. Фидель сказал несколько тёплых, благодарных слов приветствовавшим его людям. Попрощались и уехали.

Было уже за полдень. По программе должны разъехаться в резиденции на обед, затем заключительная беседа в обкоме – и вылет в Москву. Но и тут А. Н. Косыгин перепутал нам все карты. Выехали из Нововоронежа, солнце печёт невыносимо. Он стал уговаривать Фиделя: что, мол, тебе ехать в свою “берлогу?” “Поехали к нам. Там такая красота! Типичная русская глубинка: речка, вётылы, камыш. Может, нет такого комфорта, всё попроще, но мне там нравится. Вместе пообедаем. Поговорим. И оттуда в аэропорт”. Остановились. Ф. Кастро посоветовался с делегацией и говорит: “Хорошо”. Я был обескуражен! У нас же там нет обеда на такую ораву, да и разместиться негде. Но делать нечего, надо искать решение. Поручил своим мчаться вперёд и готовить аврально обед и т. п. (Как показало дальнейшее, это решение Алексея Николаевича было исключительно верным.)

В Репном поднялась суматоха. Надо было срочно привезти продукты, сервировку, повара, официантов... Я волновался здорово. Но оказалось, что всё можно уладить. Приехали в Репное, осмотрели окрестности. Учитывая жару, решили опробовать реку. Алексей Николаевич в свои 68 лет находился в хорошей физической форме. Он первым прыгнул с мостков в реку и размашисто поплыл. Фидель спросил о температуре воды в Усманке. Я ответил, что +20–21 градус, в реке много родников, поэтому вода всегда прохладная. Кубинцы, обращаясь к Фиделю, хором запротестовали – купаться нельзя. Тот, уже раздевшись, заколебался. Алексей Николаевич стал подзадоривать Фиделя: “Какой же ты премьер, если боишься воды?” Тот поддался на розыгрыш, прыгнул в реку и, как ошпаренный, с криком выскочил из воды на сходни, повторяя: “Фрио, мучо фрио”. Понятно, ведь на Кубе уже при +25°, как правило, не купаются в море. Прошли в домик, обсушились. Согрелись, кто чем хотел. Мы воспользовались паузой и попросили у Ф. Кастро автографы на только что вышедшей его книге “Сила революции – в единстве”.

К этому времени подоспел и обед. Разместили столы на полянке перед домом у реки. Собственно, обеденного ритуала не было. А был большой, долгий, откровенный разговор под выпивку и закуску. Каждый брал себе со стола что хотел, никакого протокола. Постоянно сидел за столом вместе с А. Н. Косыгиным и Ф. Кастро только Карлос-Р. Родригес. Время от времени к ним присаживались, слушали, иногда вступая в беседу, Османи Сьенфуэгос, Хорхе Рискет, а также К. Ф. Катушев и мы с Н. А. Евсигнеевым. Говорил больше Алексей Николаевич. Коснулись многих проблем. И внешних, и внутренних, и наших, и кубинских. Много времени ушло на анализ Карибского кризиса и его последствий. Шла речь об обстановке в странах соцсодружества, в Китае, о состоянии советско-кубинского сотрудничества, наших и их промахах, ошибках, неиспользованных возможностях и перспективах.

Ф. Кастро внимательно слушал А. Н. Косыгина, перебивал, уточнял оценки, задавал вопросы, иногда возникали возражения, потом – согласие. Чувствовалось уважительное отношение Фиделя к Косыгину. Карлос-Р. Родригес иногда занимал атакующую позицию, когда поднимались вопросы экономического сотрудничества, но Алексей Николаевич разбивал его доводы, так как больше владел информацией по конкретным проблемам наших отношений. Феноменальная память его не подводила. Разговор всё более и более приобретал дружеский характер. Фидель оттаивал буквально на глазах. Потихоньку пустели и бутылки на столе. Я никогда больше не видел А. Н. Косыгина в таком приподнятом настроении. Он был раскрепощен, говорил образно, горячо, доказательно. Был явно доволен разговором и Ф. Кастро.

За беседой провели они более трех часов. Наступило время отъезда. Было около 19 часов. Оба говорили, что не хочется уезжать – вокруг тишь и летняя благодать. Но собрались и отправились в аэропорт. Прощаясь у самолета, Косыгин и Катушев благодарили меня за созданную возможность так искренне и дельно провести эти дни с Фиделем. Высказал признательность и Ф. Кастро. Переводивший беседу Олег Дарусенков говорил потом, что Косыгин очаровал Фиделя. Все улетели.

Вздохнули облегченно и мы.

Я подумал, насколько был прав А. Н. Косыгин, поломав нашу, согласованную с чиновниками ЦК и МИДа, программу. Как умно, непринужденно и полезно смог он провести эти два дня с Ф. Кастро. Позже, работая на Кубе, я убедился, что и Фидель, не придерживаясь, как правило, протокольного этикета в отношении друзей и тех, кому он доверяет, достигает большего эффекта.

НА КУБИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 11 января 1979 года я был утвержден Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба. (Некоторые товарищи в ЦК потом говорили, что при подборе кандидатуры на эту работу учитывалось, наряду с другими факторами, и то, что я уже был знаком с Ф. Кастро.) Для меня же это назначение было совершенно неожиданным, и я воспринял его с озабоченностью. Во-первых, не вполне была понятна причина перевода, во-вторых, предстояла совсем новая работа, и, в-третьих, волновал непривычный тропический климат – выдержу ли я его? Одно успокаивало, что поеду в страну, руководство которой мне пусть немного, но знакомо. Прошли три месяца стажировки – сбор информации, беседы, напутствия, рекомендации, разговоры с А. А. Громыко, Д. Ф. Устиновым, А. П. Кириленко, М. А. Суловым, А. Н. Косыгиным, короткая встреча с Л. И. Брежневым.

Я услышал немало полезных, интересных советов. Но особенно мне запали в память слова А. Н. Косыгина: “Вам чрезвычайно повезло, что вы будете иметь возможность ближе познакомиться с Фиделем, человеком поистине уникальным, сможете многое понять и обогатить свои знания. Ваша задача – укреплять и развивать сотрудничество с Кубой. К сожалению, некоторые наши товарищи дают кубинцам не всегда продуманные советы, ориентируясь только на свой опыт. Это неприемлемо. Там свои, специфические условия, свои традиции, свой менталитет”.

Завершая разговор, Алексей Николаевич сказал: “Вам следует установить хорошие, доверительные, товарищеские отношения с Фиделем и Раулем. Быть предельно объективным и искренним, кубинцы не выносят недомолвок и полу-

правды. Это не в их характере. Потеряете доверие – значит, делать на Кубе вам нечего”.

...В аэропорт “Шереметьево” проводить нас, несмотря на поздний час, приехали несколько близких товарищей, друзей. Не обошлось и без обычной для подобных случаев бутылки шампанского. Ободряющие слова, пожелания успехов на дипломатическом поприще, уверенность, что привыкнем и к тропическому климату, ведь живут же там годами многие советские люди, и ничего.

Прилетели в Гавану 19 апреля в шесть часов утра по местному времени. Солнце едва поднималось над горизонтом, но уже было жарковато, температура воздуха – около 26 градусов.

После короткой общей беседы в протокольном зале аэропорта и непрерывного аперитива – ледяное дайкири и чашечка крепчайшего кофе – мы с советником-посланником М. Манасовым выехали в резиденцию. Дорога заняла минут сорок. Резиденция посла СССР расположена в живописном, престижном районе Гаваны. Наш особняк стоит в глубине сада, окружен зеленой лужайкой, вокруг – экзотические пальмы, кустарники, несколько тропических фруктовых деревьев; на территории – бассейн (непременная принадлежность большинства домов такого типа на Кубе).

Комплекс зданий Советского посольства размещался на тихой улочке, ближе к центру города и состоял из нескольких одно- и двухэтажных небольших домов, довольно ветхих и запущенных. Сразу понял: условия работы дипломатов и технических сотрудников, прямо сказать, неважные.

21 апреля состоялась официальная церемония вручения верительных грамот председателю Национальной ассамблеи народной власти Республики Куба Бласу Рока, старейшему деятелю кубинской компартии.

25 апреля меня уведомили, что отсутствовавший в Гаване Фидель Кастро возвратился и ожидает меня сегодня у себя в кабинете во Дворце Революции. В 17.30 мы с переводчиком Георгием Дементьевым поехали во Дворец Революции.

В этом здании размещаются все высшие органы государственной власти Республики Куба: Национальная ассамблея народной власти и избираемый ею Государственный Совет (председатель Госсовета – глава государства и правительства), Совет Министров и ЦК КП Кубы. Там же располагаются основные представительские помещения, где проводятся государственные приемы в дни национальных праздников или в честь высоких государственных и политических деятелей других стран.

Посольский лимузин доставил нас к зданию Дворца, но не к главному подъезду, а к другому, менее примечательному, затененному зеркальными дверями входу, к которому машина спустилась по пандусу. В отделанном мрамором просторном, строго, со вкусом оформленном вестибюле нас уже ожидали. Поднялись лифтом на третий этаж, прошли по пустому широкому коридору, и нас пригласили в довольно большую комнату, похожую на гостиную: диваны, кресла, журнальные и сервировочные столики, цветы.

Провожатые извинились и пригласили в кресла подождать. Спустя несколько минут за нами зашел Хосе Мияр, помощник Ф. Кастро (или, как его звали все – Чоми). С ним, выйдя из комнаты, пошли к Фиделю.

Прошли налево по коридору несколько шагов и остановились на секунду. Чоми распахнул небольшую дверь слева, а в проеме уже стоял Фидель Кастро. Он пригласил в кабинет. Мы прошли, поздоровались, как принято у кубинцев, полуобняв друг друга и прикоснувшись к одной, а потом к другой щеке. Фидель положил левую руку мне на плечо и через узкий тамбурок повёл налево, к стоящему вблизи двери небольшому низкому дивану, обитому коричнево-пестрой шкурой телёнка. Сел сам и справа усадил меня. Георгий разместился сбоку в кресле. Перед диваном низкий, широкий массивный стол из полированного черного мрамора. На нём мраморная пепельница.

Кабинет небольшой, из двух частей: одна, где мы разместились на диване, место для уютной приватной беседы с гостем, располагалась в Г-образной нише, другая, большая, была собственно рабочим кабинетом. Противоположную от входной двери сторону кабинета занимало широкое, во всю стену, окно с двойными (как принято на Кубе) шторами: лёгкими и плотными – солнцезащитными. У левой части стены письменный стол Фиделя. Довольно широкий, но не массивный, на четырех ножках, без тумб. Сама левая стена оформлена стеллажами для книг и безделушек. Напротив к пись-

менному столу придвинуты лицом ещё два кресла для собеседников. Метрах в трех от них, в глубине кабинета, стол для заседаний. В углу, ближе к окну, красивое, развесистое зеленое растение. В общем, кабинет небольшой, скромно обставленный, светлый, уютный.

Усаживаясь на диване, Фидель внимательно, изучающе вглядывался в меня. Сказал, что вернулся из поездки в Ориенте (эта восточная провинция Кубы уже давно была разделена на несколько частей, но Фидель, как сейчас, так и в дальнейшем, чаще именовал её по-старому — Ориенте) и сегодня готов к беседе с новым послом Советского Союза. Взяв сигару, стал не торопясь раскуривать её.

Я поблагодарил его за приём, сказал, что ожидал встречи с нетерпением, и, передав устный привет от Л. И. Брежнева, вручил Фиделю личное послание нашего генсека. Пока он внимательно читал испанский перевод письма, я, немного освоившись, пробежал взглядом по кабинету и стал рассматривать Фиделя.

За семь лет, минувших после посещения Воронежа, он изменился мало. Та же тёмная клочковатая борода, немного поредевшая, вьющаяся шевелюра с чуть заметной проседью, несколько усталое лицо с легкими морщинками у сузившихся при чтении глаз. Одет в привычную робу притушенно-зелёного цвета: плотная удлиненная куртка с поясом, такие же неширокие штаны, стянутые резинкой. Под курткой более мягкая по ткани рубаха с расстегнутым воротом, такого же, как и куртка, цвета. Чёрные закрытые ботинки на молнии, какие носит большинство кубинцев. Сколько я ни встречался с Фиделем, он всегда, в любую, даже самую жаркую пору был одет именно так и, казалось, совсем не страдал от жары. Во всяком случае, на его лице никогда не было заметно и капельки пота. Лишь один или два раза на отдыхе на одном из Карибских островов он был в гуайявере. На официальных приёмах — в военном мундире Главнокомандующего, а за рубежом — в тёмном элегантном гражданском костюме.

Текст послания я знал. Оно было составлено в дружеском тоне. Леонид Ильич благодарил Фиделя за доверительную информацию по важной африканской проблеме, информировал его о сложной политической ситуации, сложившейся в одной из соцстран. Обещал содействие в решении некоторых вопросов экономического сотрудничества, выражал уверенность, что с приходом нового посла СССР наши связи ещё более укрепятся. Дал мне лестную характеристику как человеку опытному и ответственному в делах, а в отношениях с людьми контактному и высоко порядочному. Заканчивал пожеланием здоровья и успехов, а также упомянул, что, воспользовавшись оказией, шлёт ему обычную посылку (некоторые российские деликатесы: немного сёмги и балыка, несколько баночек икры лососевой и осетровой, три-четыре бутылки водки “Столичной” или “Московской”, пару коробок любимых Фиделем шоколадных конфет и три-четыре пакета геркулесовых хлопьев для каши).

Закончив читать письмо, Фидель отложил его в сторону и всем корпусом повернулся ко мне, наклонившись чуть ли не вплотную. И, прямо глядя в глаза, начал разговор. Поблагодарил за привет и письмо, попросил передать товарищу Брежневу пожелания здоровья и успехов. Высказал удовлетворение той информацией, о которой шла речь в письме.

Затем серьезно и озабоченно стал рассказывать о том, как идёт подготовка к конференции стран Движения неприсоединения (ДН), намеченной в Гаване на сентябрь. Многие организационные вопросы уже решены. Прошли подготовительные совещания министров иностранных дел в Белграде и Гаване, а также сессии Координационного бюро неприсоединившихся стран в Гаване, Мапуту и Коломбо. Сказал, что направил личные послания главам государств и правительств всех стран — участников ДН с приглашением принять участие в конференции, изложив в них точку зрения Кубы по важным международным вопросам. Многие подтвердили своё участие. Сложные и нудные разговоры приходится вести с Югославией (Тито претендует на особую роль) и с некоторыми другими лидерами по процедурным и принципиальным вопросам.

(Должен сказать, что активная работа Кубы обеспечила успех Гаванской конференции ДН. В её работе приняли участие 138 стран — небывалое число! Речь Ф. Кастро на ней, принятые документы носили прогрессивный, независимый, антиимпериалистический характер. Запомнилась одна фраза из его

речи: “Ни за какие деньги нельзя купить будущее — потому что будущее можно обеспечить лишь на основе справедливости и честной братской солидарности наших народов”. На последующие три года Ф. Кастро стал председателем ДН.)

Продолжая тему, Фидель сказал, что завершается сооружение уникального здания Дворца конгрессов, где будет проходить конференция, оно оборудовано по последнему слову техники и обеспечивает отличные условия работы участникам, прессе, приглашенным, техническому и обслуживающему персоналу. Посоветовал мне побывать на стройке — он даст поручение архитектору, автору проекта, показать мне дворец.

“МИНИ-КРИЗИС”

...Открытие VI конференции ДН было назначено на 3 сентября. 1 сентября 1979 года поздно вечером, около 24.00, в резиденцию ко мне приехал Рауль. Очень встревожен. Извинился за поздний визит и заговорил о том, что пару недель назад в американской прессе появились публикации о размещении на Кубе советских военных формирований. Это “открытие” подавалось СМИ как сенсация.

“Мы рассматривали подобные выпады как интригу и шантаж. Советские военные находятся на Кубе 17 лет, и об этом знали все администрации США, — сказал Рауль. — В последние дни эта тема набрала невиданные обороты. Не только в средствах массовой информации США, но и в целом на Западе развернули шумную антикубинскую истерию. Речь идет об “утечке” якобы секретной информации, о “наращивании” советского военного присутствия и наличии на Кубе сухопутных войск. Говорят конкретно о бригаде в 3000 военнослужащих. Сейчас к этой кампании подключились и официальные лица. Говорят и о якобы “недавно обнаруженной новой советской воинской части на Кубе”. Сенаторы Стоун и Черч требуют “провести расследование”, “не допустить проникновения русских в Западное полушарие”.

“И это, — возмутился Рауль, — накануне конференции лидеров стран ДН! Фидель поручил мне согласовать с советской стороной возможный ответ, так как этот вопрос может в любой момент возникнуть на конференции. Мы предлагаем следующий вариант: “Действительно, уже 17 лет на Кубе находится символическая советская воинская часть — бригада, **давно уже превратившаяся в учебный центр**, где советские военные специалисты обучают офицеров РВС овладевать новой военной техникой и содержать её”.

Р. Кастро продолжал развивать свою мысль. “Наша позиция такова, что ни в коей мере мы не должны камуфлировать реальное положение вещей и тем самым делать уступки американцам, которые могут легко интерпретировать попытки отрицать наличие бригады советского учебного центра как отказ Кубы и СССР от права создания подобного центра и направления туда воинского персонала. Ведь им давно известно об этой бригаде, и меня поражает, что она “недавно обнаружена”. Не следует отказываться от привычного названия”.

Он попросил срочно сообщить об этом в Москву и как можно скорее получить мнение советской стороны по этому вопросу.

Далее Р. Кастро высказал предложение, что следовало бы отложить назначенный на 8 сентября визит на Кубу советских военных кораблей. Лучше не делать этого в период работы VI конференции ДН в Гаване.

Потом рассказал о встрече Ф. Кастро с прибывшим в Гавану И. Б. Тито. “В его честь Фидель дал обед. Состоялась полезная беседа. Тито убеждал Фиделя, что политика СФРЮ “не антисоветская” и что он стремится не допустить конфронтации с Кубой и другими соцстранами”. Прощаясь, Рауль ещё раз подчеркнул, что его визит в посольство и высказанные предложения — прямое поручение Фиделя.

Аргументацию Рауля я счёл убедительной и ночью же отправил информацию в Москву, поддержав позицию Кубы.

2 сентября я позвонил А. А. Громыко по ВЧ. Его не было на месте. Меня переключили на Г. М. Корниенко. Спросил, каково решение по запросу друзей о согласовании формулировки ответа на провокационные выпады США. Корниенко передал, что этот вопрос уже обсуждался “наверху”. Принято решение — получить согласие кубинцев на такой вариант: “Мы совместно под-

тверждаем наличие на Кубе советских военных в составе “Учебного центра № 12”, а никакой “бригады” здесь нет. И задача центра только обучение кубинских военных”. Я отреагировал: “Уже и номер дали!” И затем высказал мнение, что следует поддержать кубинскую формулировку, изложенную в моей телеграмме. “Ваш вариант ответа кубинское руководство сочтет определенной уступкой США, — сказал я. — Могут возникнуть осложнения в статусе наших военных на Кубе. То, что на Кубе уже 17 лет находятся советские войска, давно всем известно, как и то, что их неофициально именуют “бригада”. Нельзя ли еще раз вернуться к рассмотрению варианта ответа, предлагаемого Кубой?” Но Георгий Маркович заявил: “Этот вопрос сегодня уже обсуждался, и решено согласовать с Фиделем и Раулем именно такую формулировку”.

Кубинское руководство ожидало не телефонного обмена мнениями, а официального подтверждения нашей позиции по поводу американского демарша по отношению не только к Кубе, но и к СССР.

Отправил еще телеграмму в Москву с дополнительным материалом в обоснование предложения кубинского руководства, которое считает это переименование не формальным актом. По их мнению, оно повлечёт за собой изменение статуса военного подразделения.

В этот же день главный военный советник на Кубе С. Г. Кривоплясов передал, что из Минобороны получена телеграмма об отсрочке очередной поставки на Кубу советской техники (?). Видимо, советское руководство по каким-то причинам решило не нагнетать напряжённость в отношениях с американцами.

5 сентября мне позвонил из Москвы по ВЧ Г. М. Корниенко. Передал: “Ответ СССР на запрос США направлен в Вашингтон и в посольство Кубы в Москве. Думаю, что об этом знает и Рауль Кастро”.

Я попытался в этот же день связаться по ВЧ с А. А. Громыко, но безуспешно, его в МИДе опять не было. Хотя мне было понятно, что все мои телеграммы не прошли мимо него и он полностью в курсе.

7 сентября 1979 года. В 21.30 в резиденцию приехал Рауль. Он рассказал о ходе конференции. Затем повел речь о кампании США против Кубы. Что там прошла пресс-конференция госсекретаря Сайруса Вэнса, по телевидению выступил Джимми Картер. Их выступления направлены против советского военного присутствия на Кубе. Пугают народ военной угрозой и т. п. “А что же мы? — возмущался Рауль. — Официального заявления СССР нет до сих пор! Нельзя давать им повод. Нет прямого контакта и совета с Фиделем. Я официально передаю, что это его удивляет. Почему Москва молчит? Что на Кубе есть советские военные — это давно известно. Чем, спрашивается, вызван нынешний истерический бум со стороны США? Ответ — хотя нас запугать, чтоб сидели тихо”. Рауль был очень возбуждён.

Я информировал его, что направил дополнительно запрос в Москву. Высказал и своё мнение в поддержку кубинского варианта. Г. М. Корниенко сообщил, что суть нашего ответа США известна послу Кубы в Москве: “Ничего нового сказать не могу”.

Утром 8-го я отправил в Москву запись беседы с Раулем Кастро.

10 сентября в очередной раз позвонил в МИД А. А. Громыко. Снова ответ — его нет. Соединили с первым заместителем В. Ф. Мальцевым. Вновь обратил внимание на реакцию руководства Кубы на нашу позицию в отношении военных. В. Ф. Мальцев ответил, что моя телеграмма доложена, о выступлениях С. Вэнса и Дж. Картера и позиции Кубы в Москве известно. Добавил: “Дайте ещё телеграмму о вашем мнении”.

Я вновь послал шифровку в Москву.

Анализируя обстановку с моими товарищами в посольстве, мы пришли к выводу, что руководство нашей страны, обеспокоенное активизацией в США противников разрядки в канун ноябрьских выборов президента (несмотря на подписание в июне Венского договора ОСВ-2), стремилось не обострять советско-американские отношения.

Было совершенно ясно, что поданная спецслужбами США и раскручиваемая СМИ “сенсация” о советских военных на Кубе — это повод затормозить ратификацию ОСВ-2 в сенате США. Этим можно объяснить и позицию нашего посольства в США — дистанцировать от поднявшейся в СМИ шумихи президента Картера, как и госсекретаря Вэнса, якобы не знавших о наличии советских военных частей на Кубе и потому “оказавшихся втянутыми в малопродуктивную

дискуссию с Советским Союзом”, что, бесспорно, было определенной уступкой США. Об этом открыто говорили и кубинцы.

12 сентября я, наконец, получил текст личного письма Брежнева Ф. Кастро. Передал его Фиделю. В письме содержались обоснования нашей позиции. Говорилось о принципиальной поддержке Кубы, о том, что советские военные на Кубе будут и впредь выполнять те же функции. Но прослеживалась и озабоченность тем, чтобы сохранить советско-американские отношения, не ухудшить их в канун президентских выборов и т. д. Было понятно, что руководство СССР предпочло бы и дальше иметь дело в США с Дж. Картером, нежели с набирающим силу на антисоветской риторике Р. Рейганом. (Эти надежды не оправдались – выборы выиграл Р. Рейган.)

21 сентября, примерно в 23.00, ко мне в резиденцию неожиданно приехал Фидель. Сказал, что побывал в ряде провинций. Настроение хорошее – видимо, снялось напряжение от конференции, да и письмо Л. И. Брежнева его несколько успокоило. Подробно остановился на итогах конференции ДН, подытожив: “Это была поучительная борьба”.

Затем передал мне ответное письмо для Л. И. Брежнева по известной проблеме советского военного присутствия на Кубе. Заметил, что его серьезно беспокоит сложившаяся ситуация, она создает много трудностей и, кроме всего прочего, не позволяет до сих пор решить вопрос о его поездке в Нью-Йорк на заседание Генеральной Ассамблеи ООН. “Мы согласны с мнением советской стороны, что возникновение этой ситуации во многом связано с внутренними трудностями в США и кризисом администрации Картера. Однако никак не поймем, почему надо переименовывать бригаду в 12-й учебный центр? Это что, идея Громыко?” Я пожал плечами.

23 сентября, в воскресенье, состоялся большой, принципиальный разговор. Мы были на даче у Рауля с генералом С. Г. Кривоплясовым. Тема беседы: отношения с Минобороны Союза, поставка техники, обучение кадров. Рауль заговорил о сотрудничестве в оказании помощи правительству Анголы в борьбе с бандами “УНИТА”. Потом вновь о работе наших советников в подразделениях кубинской армии и, конечно, о переименовании бригады... Эту тему он обсуждал со всех сторон. Кривоплясов никак не мог убедить его, что всё останется по-старому.

Минут через 30 приехал Фидель. Это было неожиданно, Рауль нас не предупредил. Некоторое время Фидель, слушая нас, горячие доводы Кривоплясова, помалкивал, в спор не вступал. Дымил сигарой, глядя на них с полуулыбкой. Редко подавал реплики и я. Потом Фидель, с присущим ему тактом, изменил направление разговора, взяв беседу в свои руки. Начал с итогов конференции ДН, обстановки в странах Карибского бассейна: нищета, экономическая отсталость, безграмотность, политическая пристрастность, коррупция власти. В то же время хорошо говорил о М. Мэнли и М. Бишопе, как об образованных, зрелых политиках, а также и об обстановке на Ямайке и в Гренаде. Потом Фидель умолк, раскурил сигару и, сказав с улыбкой: “Не буду мешать вашему жаркому спору”, – уехал.

Беседу продолжал Рауль. Вновь, уже в который раз, пошел разговор о “проблеме” советского военного присутствия на Кубе. Провокационная позиция США, – подчеркнул Кастро, – осложняет поездку Фиделя на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Вопрос о “бригаде” наверняка возникнет в Нью-Йорке. Поэтому Фидель решил выступить на эту тему здесь, в Гаване, чтобы там уделить внимание другим вопросам. Кубинцы считают целесообразным публично ответить американцам, так как те развернули широкую пропагандистскую кампанию. В этой связи Рауль поднял вопрос о переговорах С. Вэнса с А. Ф. Добрыниным. Посетовал, что не имеет достаточной информации, но, по его мнению, советский посол в США в беседах с госсекретарем Вэнсом не всегда поддерживает достоинство и престиж Республики Куба. Затем, без перехода, высказал предположение о возможном сокращении советского военного персонала на Кубе. Кривоплясов вновь заявил, что ни о каком сокращении речь не идет. Был вынужден вмешаться в дискуссию и я, заявив, что позиция СССР по отношению к США на Кубе известна. Она изложена в письме Л. И. Брежнева. Эту позицию, надо полагать, и отстаивает А. Ф. Добрынин. Сказал, что ещё раз запрошу Москву.

24 сентября я отправил телеграмму об этой беседе в Москву.

Дополнительно позвонил по ВЧ секретарю ЦК К. В. Русакову о необходимости контактов нашей делегации (А. Громыко) с кубинцами (Раулем Роа) на сессии ГА ООН в Нью-Йорке. Объяснил ему, что кубинцы считают неоправданно уступчивой позицию А. Добрынина на переговорах в Вашингтоне, полагая, что его цель только погасить страсти в прессе. Поэтому надо дать кубинцам материалы переговоров Добрынина с Вэнсом. И вообще, следует лучше координировать с Кубой предпринимаемые нами меры. Наша бестактность их возбуждает. Сказал и о некотором недоверии Фиделя к А. А. Громыко. Было бы неплохо организовать визит Андрея Андреевича на Кубу.

Информация об уступчивой позиции совпосла А. Ф. Добрынина на переговорах в Вашингтоне поступала к нам в посольство и из других источников. Действительно, он делает упор на СМИ. Убеждает американцев и в том, что переименование советской военной бригады в 12-й учебный центр изменит статус наших военных на Кубе, что возможно и некоторое сокращение численности военного контингента.

27 сентября утром я получил текст письма Л. И. Брежнева в адрес Дж. Картера. Посетил Фиделя и вручил это письмо. Он при мне прочел его, выразив удовлетворение, что там добавлен абзац, о чём он писал Брежневу. Передал также стенограмму встреч А. А. Громыко с С. Вэнсом в Нью-Йорке — наш министр вел разговор принципиально, в наступательном тоне. Фидель сказал, что доволен сегодняшней информацией. Сообщил, что завтра проведёт пресс-конференцию, что намерен посетить сессию ГА ООН.

Позже Ф. Кастро побывал в Нью-Йорке, выступил с речью, ознакомив Генеральную Ассамблею с основными идеями, выдвинутыми Гаванской конференцией ДН.

1 октября мне позвонили по ВЧ из ЦК, сказали, что Л. И. Брежнев положительно оценил мою телеграмму от 24 сентября и разговор с К. В. Русаковым.

4 октября С. Г. Кривоплясов доложил мне, что обстановка во взаимоотношениях минРВС Кубы и минобороны СССР стабилизировалась. Наши отменили ряд своих мер, ограничивающих поставку техники. Успокоились несколько и кубинцы. Однако контакты по военной линии всё же стали сдержаннее.

Памятная встреча по этой теме состоялась 12 октября вечером. Рауль пригласил меня к себе в минРВС. Он отметил, что “мы успешно преодолели этот “мини-кризис”. Между СССР и Кубой были налажены активный обмен информацией и тесная координация действий. Но меня беспокоит, продолжал он, одна деталь. Бесспорно, Советский Союз занял твердую позицию, но можно поставить вопрос так: действительно ли положение с военным персоналом на Кубе, их статус не претерпят никаких изменений? Надо признать, что “кризис вокруг советской бригады” закончился на такой ноте, что за СССР не признается право иметь на Кубе свои боевые подразделения, кроме учебного центра. Наша первоначальная формулировка, которую мы предлагали для согласования, о том, что существует “символическая воинская часть, давно уже превратившаяся в учебный центр”, была нацелена именно на то, чтобы зарезервировать за нами моральное право иметь здесь не только учебную часть”. Немного помолчав, он заметил: “Однако я ещё продолжаю анализировать эту проблему”.

Я не стал втягиваться в дискуссию, заметив, что это его право.

Но опасения Р. Кастро о последствиях “мини-кризиса” мне казались обоснованными. И вообще, почему я уделил этой проблеме в моих записках такое внимание? Почему поддерживал позицию Кубы? Я считал, что для руководства Кубы наличие в стране “символической советской воинской части” — нечто большее, чем деталь нашего сотрудничества, это вопрос и морально-психологического характера, влияющий, с одной стороны, на настроение кубинцев, воспринимавших это как поддержку истинного друга и защитника — Советского Союза. С другой стороны, этот символический военный контингент определенным образом воздействовал и на США, ограничивая их постоянное стремление давить на Кубу, вплоть до возможного десантирования войск. Поэтому руководство Кубы, как мне представлялось, интуитивно чувствуя, что изменение наименования части дело не формальное, стремилось сохранить статус-кво, тем самым противостоять наглому нажиму американцев и успокоить свой народ: “Советы с нами”.

Наши лидеры, вернее, те, кто формировал их внешнеполитическое видение ситуации, исходя, возможно, из более глобальных интересов, не стали

спорить “по мелочам” и переименовали воинскую часть на Кубе в учебный центр. Это должно было успокоить агрессивные силы в США и поддержать престиж Дж. Картера перед выборами, тем более после подписания в Вене Договора об ОСВ-2 и накануне его ратификации сенатом. По-моему, кое-кто посчитал просьбу Кубы капризом.

Точка по проблеме “мини-кризиса” между Кубой и СССР формально была поставлена 31 октября. На деле же функции наших военных на Кубе всё-таки несколько ограничились. И не зря кубинцы окрестили эту историю “мини-кризисом”, как малую аналогию с Карибским кризисом 1962 года.

ФИДЕЛЬ

Осмысливая атмосферу встреч, бесед, дискуссий, вообще моих отношений с Фиделем Кастро, не могу не высказать более обобщённо своего мнения о нём как о выдающейся исторической личности.

Я часто размышлял о том, что в каждой беседе с Ф. Кастро раскрывались его черты, всё более убеждающие в исключительной неординарности кубинского лидера.

Его эрудиция поразительна: собственно, нет отрасли знаний, в которой он не сведущ. Методы работы, организация труда восхищают, он отдаёт работе каждый час, каждую минуту своего времени. Невозможно представить себе Ф. Кастро пребывающим в праздности. Причём его кредо – не откладывать решение на завтра. Восхищает его неумное стремление докопаться до сути обсуждаемой проблемы; он всегда добивается, чтобы мнение собеседника, его позиция были абсолютно ясны.

В общем, я пришёл к непреложному выводу: Фидель Кастро – личность легендарная, необыкновенно целеустремлённая. Это один из крупнейших политических и государственных деятелей XX века. Его место в ряду таких разных, но по-своему одарённых и неповторимых личностей, как В. И. Ленин и И. В. Сталин, Т. Рузвельт и У. Черчилль, Д. Неру и Мао Цзедун, де Голль и И. Тито, Хо Ши Мин и Г. А. Насер. Это моё мнение о Фиделе Кастро сложилось и утвердилось на основании общения с ним на протяжении двух с лишним десятков лет. Каждая встреча с Фиделем вносила что-то новое в моё представление о нём, поддерживая и утверждая высокое мнение об этой незаурядной личности.

Обаяние его неотразимо. Человек широко образованный, энциклопедических знаний, феноменальной памяти и необыкновенного организаторского таланта. Он блестящий оратор и полемист. Отлично разбирается в тонкостях права, истории, философии, социологии. Сведущ в экономике и даже в теологии. Его трудно провести, когда речь идёт о конкретных отраслях промышленности и сельского хозяйства.

Всё, за что берется Ф. Кастро, к чему у него проявляется интерес, он изучает досконально. Необыкновенно любознателен. Настырно добивается до деталей, особенно если дело касается интересов государства. Ф. Кастро расчетлив, придирчив до мелочей, когда определяются эффективность, затраты труда и средств на тот или иной деловой проект.

Человек активный, эмоциональный, он в общении с людьми чаще сдержан, внешне строг. К собеседнику внимателен и участлив. Если тема ему интересна, а мнение собеседника профессионально, то готов обсуждать её, не замечая времени. Но теряет интерес к разговору, когда видит перед собой дилетанта и болтуна. Беспощаден и брезглив к проявлениям лжи, не прощает обмана и, конечно, предательства. В споре логичен, аргументация его чётка и выверенна. Влияет на собеседника не только словом, но и манерой поведения – магнетизмом взгляда: глаза в глаза. Бывало и так: вдруг в ходе беседы замыкается, даже как бы отстраняется от разговора, а через несколько минут вновь возвращается к уже, казалось, оставленной позади теме и начинает рассуждать под иным углом зрения, чем порою ставит собеседника в затруднительное положение. Но это не прием, не попытка сбить с толку, а стремление более глубоко проникнуть в суть проблемы. Увидев какие-то затруднения у собеседника, извинится, скажет: “Не утомил ли я вас своими вопросами?”

Фидель Кастро – не маска, не идол. Вроде бы человек такой же, как все. Нет, не такой, как все! И дело не в росте, осанке, манере говорить, умении

слушать, отнюдь нет. От него исходит какая-то внутренняя энергия, заражающая и покоряющая окружающих. Исходит притягательная сила харизмы. Наблюдая за ним, часто невольно ловишь себя на мысли, какой он разный: серьезный, озабоченный, участливый, сопереживающий, радостный, агрессивно-напористый, наивно-непосредственный. Но есть в нем один крепкий стержень, основа – он всегда остается самим собой: естествен, чужд позы, внешнего эффекта. Никогда не пытается понравиться или подстроиться под собеседника. Обычно он мало улыбчив, редко смеётся. Зато его смех, его улыбки просто покоряют своей искренностью, чуточку даже наивной смущенностью, открытой приветливостью. Фидель Кастро бывает и эмоционально-взвинченным, резким, безапелляционным. Реже это проявляется в беседах, чаще – в публичных выступлениях, когда он поднимает острые, волнующие нацию вопросы, когда разоблачает несправедливые, провокационные действия против его страны.

Всегда остается самим собою в окружающей его толпе. Свободно вступает в контакт, находит тему для разговора. Одинаково ровно относится ко всем, не выделяя политического лидера или крестьянина, крупного учёного или рабочего, спортсмена или актера. Может долго слушать их, кивает головой, говорит спокойно и убедительно. Закончив разговор, видя удовлетворение на лице собеседника, чуть улыбнётся и поворачивается слушать другого. Особенно приятно видеть, как уважительно он относится к пожилым людям, как серьёзно и участливо беседует с детьми. Вообще отношение к детям на Кубе удивительное. Взрослые относятся к ним на равных, без сюсюканья и одергивания, без окрика и безудержной ласки. Потому дети не закомплексованы, они раскованы, контактны, приветливы и активны. Там истинный культ детей – по существу, а не по форме.

Как потомок испанцев, Фидель Кастро выше всего ставит честь и достоинство как страны, так и свои личные. Вообще эти качества присущи кубинцам. Их отличает независимость, принципиальность, открытость и щедрость, что проявляется и во взаимном общении, в дружбе. Ф. Кастро, например, всегда внимателен и трогательно заботлив по отношению к товарищам, своим соратникам, к тем, кто близок ему по духу.

До конца дней каждый из его товарищей по борьбе ощущает внимание, поддержку, получает, если надо, и помощь. Ф. Кастро не такой человек, у которого “с глаз долой – из сердца вон”. Все советские “кубинцы”, в том числе и я, в трудный час и день получали внимание и помощь со стороны Фиделя и Рауля. Это их принцип – не оставлять товарищей в беде.

Фидель любит и знает искусство, литературу, отлично ориентируется в различных направлениях творчества писателей, композиторов, художников. Разбирается и ценит, в частности, но строго избирательно, и современную авангардистскую живопись. Друзен со многими крупными деятелями искусства и культуры ряда стран.

Фидель давний и заядлый спортсмен и ценитель спорта. Со школы, со студенческих лет увлекался он баскетболом, бейсболом, легкой атлетикой и добился в этих, да и других, видах спорта больших успехов. Прекрасный пловец, его любимым занятием была подводная охота с аквалангом.

В еде не привередлив, предпочитает простую креольскую кухню. Знает толк в рыбе, других морских продуктах. Не отказывается от русских пельменей и пирожков. Любит наши российские шоколадные конфеты. Из крепких напитков предпочитает рюмку ледяной водки или глоток виски “Чивас Ригал”. Следит за своим весом, но когда в хорошем настроении и при интересной беседе, забывает о предостережениях медиков – у него развивается аппетит. Знает много кулинарных рецептов и сам умеет готовить.

Можно привести немало примеров, когда поступки Ф. Кастро раскрывают его душевные качества: внимание и заботливое отношение к людям, поддержку товарища в трудную минуту, умение добрым словом, шуткой снять возникшее напряжение в беседе.

На первой же встрече с ним 25 апреля 1979 года, обратив внимание на мое искусанное москитами лицо, он сразу дал несколько советов, как следует вести себя в условиях тропиков. Как защититься от москитов и, если надо, лечиться от укусов.

На одном из первых обедов, устроенных мною в честь Ф. Кастро, ему понравилась рыба, приготовленная нашим поваром. Он попросил позвать Сашу, молодого еще человека, и стал расспрашивать о технологии её приго-

товления. Тот подробно всё рассказал. Фидель одобрил, похвалил повара, сказав, что именно эту рыбу — “паргу” — очень сложно готовить, потому он и удивлен, что, не зная её особенностей, повар всё сделал верно. В репликах высказались и другие гости, а Нина Федоровна, жена моя, заметила, что она вообще любит рыбу и не могла не попробовать кубинскую. Фидель как бы не заметил этих слов. Но затем, бывая на рыбалке, всегда присылал нам несколько пойманных им свежих рыбин.

Однажды вечером, простясь с Фиделем, на выходе из Дворца Революции захромал Н. К. Байбаков. Кто-то спросил, что такое? “Да старая болячка”, — ответил Николай Константинович. Об этом передали Ф. Кастро. Не успели мы дойти до машин, переводчик говорит, что Фидель просит заехать к его личному врачу и показать колено. Заехали, благо это было недалеко. Через 10 минут Н. К. Байбаков выходит, как ни в чём не бывало. Боли нет. Прошёл он короткий курс лечения, и “старая болячка” отступила.

Как-то в конце нашей беседы Ф. Кастро, посмотрев на часы, заторопился: “Я должен заехать в госпиталь, там сегодня сделали операцию Умберто Ортеге”. Я спросил, что с ним, и высказал сочувствие. Ф. Кастро сказал, что это следствие полученного на войне ранения, и добавил: “Не желаете ли поехать со мной, Умберто это будет приятно”. Я согласился подъехать через 15–20 минут. В палату мы пришли почти одновременно. Операция — исправление кисти руки — уже была сделана. Умберто сидел на кровати, прижимая к груди забинтованную руку, и радостно встретил наше появление. Разговор, естественно, пошел не только об операции, а и о других проблемах. Минут через двадцать Ф. Кастро уехал, а мы с Умберто проговорили битый час. Много интересного узнал я тогда о Никарагуа.

Вспоминается, как тепло и заботливо он говорил о М. Бишопе, премьер-министре Гренады, высокообразованном, интеллигентном человеке, народном любимце. Сетовал на то, как трудно жить людям в этой отсталой маленькой стране, и рассказывал, какую помощь Куба оказывает Гренаде. Подчеркнул, что М. Бишоп много работает, не бережет себя, и это беспокоит Фиделя, так как здоровье Мориса неважное.

Был и такой эпизод. В Москву на похороны Ю. В. Андропова прибыли руководители многих стран, в том числе и Фидель Кастро. И всем хотелось получить аудиенцию у нового генсека К. У. Черненко. Он принял Ф. Кастро, но отказал во встрече ряду лидеров, в том числе африканских. Вечером Фидель сказал мне: “Я удовлетворен тем, что имел беседу с Черненко. Но есть ещё просьба к вам. Дело в том, что меня очень просил президент Мадагаскара Д. Рацирака о возможности хотя бы краткой (минут на 15) встречи с Черненко. В стране очень сложная обстановка. Для него был бы весьма важен в политическом плане сам факт приема его товарищем Черненко. Я прошу и вашего содействия. Рацирака верный друг СССР, и хотелось, чтоб это мнение укрепилось у народа его страны. Он готов задержаться в Москве на несколько дней”. Я обещал поговорить с Черненко.

17 февраля утром проводили Ф. Кастро. Я позвонил К. У. Черненко, сказал об отъезде кубинской делегации и сообщил, что Фидель остался доволен встречей с генсеком и очень просил принять Д. Рацираку. Константин Устинович согласился, и через день такая встреча состоялась. Думаю, этот пример имеет не только политический подтекст, но и свидетельствует о человеческом внимании Ф. Кастро к просьбе товарища.

На наших встречах с Ф. Кастро не всегда шли только серьёзные разговоры. Было место и шуткам, юмору.

В мае 1982 года вечером в резиденции совпосла состоялось вручение советского ордена Красного Знамени министру внутренних дел Рамиро Вальдесу по случаю его 50-летия. На церемонии были Ф. Кастро, Х. Альмейда, О. Дортикос, П. Мирет, Х. Рискет и другие члены Политбюро и секретариата ЦК КПК. Конечно, после официальной части был прием, прошедший в очень дружеской обстановке. Фидель был в настроении, много рассказывал, шутил. Очень доволен приёмом, оказанным делегации Никарагуа в Москве. “Этот визит и достигнутые договоренности имеют принципиальное политическое значение не только для Никарагуа. Но в первую очередь, разумеется, это гласная поддержка сандинистов”. Затем Фидель тепло говорил о Рамиро Вальдесе, под руководством которого был подавлен бандитский бунт в горах Эскамбрайя в первые послереволюционные годы.

И, вспоминая это время, заговорил о первой встрече с А. И. Микояном. Оживленно рассказывал! “Он привез вертолет с собой, на пароходе из Мексики! (Там была какая-то заварушка.) Чуть не пропали в море! Еле выбрались на сушу. Сели в какое-то болото, так как кончалось горючее. Рады спасению. Но отметить нечем, все продукты исчерпаны. Послали разведать местность, найти селение. Сами вспоминаем всякие истории, чтоб скоротать время. Больше всех говорил Микоян. Он много рассказывал о Сталине, его методах работы, привычках. О подозрительности даже к друзьям: “Представляешь, Фидель, он мне говорит однажды – ты, Анастас, английский шпион! Это же надо!” Мы тогда смеялись от души. Это был драматический полет, но и полезный. Именно там мы условились об установлении дипломатических отношений между нашими странами”. Все мы с интересом и улыбками слушали это откровение Фиделя, напоминавшее анекдот.

(Восемь лет назад, в 40-ю годовщину установления дипотношений между нашими странами, сопровождавший тогда, в феврале 1960 года, А. И. Микояна на Кубу Николай Сергеевич Леонов – сейчас генерал-лейтенант, профессор МГИМО, рассказывал: “Действительно, так и было. Вертолетчики заблудились в море и еле-еле дотянули до острова”. Оказавшись на земле, хотя и болотистой, все были несказанно рады. Ф. Кастро и А. И. Микоян быстро нашли общий язык, прониклись взаимной симпатией. Вынужденное ожидание в вертолёте пошло на пользу. Именно там условились об установлении дипотношений, решили заключить соглашение о товарообороте, платежах и предоставлении советского кредита Кубе. Не теряя времени, на подручных листках из блокнота набросали проекты этих документов и скрепили подписями. Отметили это историческое событие как положено. Вот так было.

Потом в Гаване все документы были оформлены официально, на что, понятно, потребовалось время. Потому и датой установления дипотношений между СССР и Республикой Куба считается 9 мая 1960 года).

Как говорится – “неисповедимы пути...”

РАУЛЬ

Выше я также не раз говорил о встречах и беседах с Раулем Кастро.

Не могу не высказать, тоже обобщённо, свои впечатления о личности этого выдающегося человека.

С Раулем Кастро у меня сложились самые добрые, товарищеские отношения. Своим приветливым вниманием и деликатной поддержкой, открытым ненавязчивым общением он очень помог мне быстрее освоиться в новых условиях и установить связи с кубинскими руководителями.

Я проникся к нему симпатией и уважением ещё с первой нашей встречи в Москве, в конце марта 1979 года. Тогда он вместе с женой Вильмой Эспин и группой кубинцев несколько недель находился на отдыхе в Союзе, встречался и вел переговоры с руководством СССР, побывал в ряде регионов страны и был полон впечатлений.

...Вообще, мы встречались с Раулем часто, может, даже чаще, чем с Фиделем. Причем в различных ситуациях. Нередко после проведения каких-либо мероприятий у наших военных – смотров, учений, торжественных построений – мы, возвращаясь в Гавану, заезжали ко мне, “попить чайку у посла”, как говорил Рауль. (Кстати, он и особенно Вильма большие знатоки и любители настоящего чая, который на Кубе не в чести. Кубинцы считают его лекарством и не умеют готовить чайный напиток. Они его не заваривают, а варят, – получается мутная бурда. Впрочем, это недостаток не только кубинцев.)

Вместе летали и ездили по стране. Встречались на отдыхе и в дружеских застольях. Однако везде, всегда наши отношения были взаимно уважительными, тактичными, ни в коей мере не выходили за рамки чистого товарищества.

Рауль Кастро – человек обаятельный, искренний, щедрый на дружбу и товарищество. Великолепный рассказчик, с блестящим чувством юмора, легкой иронии. Неудивительно, что он всегда в центре любой компании. Говорит Рауль, как истинный кубинец, быстрый скороговоркой. Диапазон голоса широк – от громкого, грассирующего низкого баритона до доверительно-мягкого тенора. Смеётся он заразительно, увлеченно, иногда до слёз.

Рауль — самый близкий Фиделю человек, не только по родству, но и по духу, по убеждениям, беспредельно преданный делу Революции и народу Кубы. С молодых лет он связал свою судьбу, жизнь с борьбой за свободу и независимость своей Родины, за демократическое общество социальной справедливости. На всех этапах борьбы и мирного созидания Рауль Кастро всегда был и остается рядом со старшим братом.

В наших частых беседах Рауль, к сожалению, редко касался воспоминаний о своём детстве, юности. Иногда рассказывал об отдельных эпизодах революционной борьбы. Помню, лишь посетив родительский дом в Биране, он и Рамон, его старший брат, немного говорили о далёком времени детства, вспоминали некоторые эпизоды из детской жизни, бытовые детали. Учитывая, что Рауль на пять лет моложе Фиделя, можно предполагать, что с ростом благосостояния отца — крупного землевладельца — он не испытывал житейских тягот. Детство его, младшего ребенка в семье, было светлым и счастливым. В своих редких рассказах Рауль очень тепло и трепетно вспоминал мать, простую крестьянку, глубоко верующую женщину, великую труженицу, посвятившую всю себя мужу и детям, которых любила и оберегала беззаветно. Сыновья отвечали ей взаимностью.

Рауль Кастро, также как и Фидель, окончил иезуитский колледж. Правда, вспоминал он, не был таким примерным учеником, как брат. Весёлый, озорной Рауль доставлял немало хлопот своей непоседливостью и неуместными в религиозной школе вопросами. Так, например, он говорил на встрече с фредем Бетто, священником из Бразилии: “Я столько лет жил интерном в коллегиях, что наслушался месс на всю жизнь. Я учился у монахов-салезианцев и у иезуитов... Я не остался при церкви, но остался верен Христовым принципам и не отрекаюсь от этих принципов. Они дают мне надежду на спасение, ведь революция осуществляет её по мере того, как отсылает богачей с пустыми руками и даёт хлеб голодным”, — с юмором говорил Рауль.

Учась в Гаванском университете, он, конечно, под влиянием мировоззрения любимого брата также увлёкся политикой. В какой-то мере обойдя Фиделя, стал членом Союза социалистической молодёжи (молодёжного крыла Народно-социалистической партии Кубы, по сути — компартии).

Государственный переворот, совершенный Батистой в 1952 году, возмутил прогрессивные силы на Кубе. В стране резко активизируется борьба с продажным, диктаторским режимом. Молодой адвокат Фидель Кастро ведёт работу по объединению патриотически настроенной молодёжи. И, конечно, Рауль не мог остаться в стороне. Фидель пытается оберечь младшего брата. Но тот неумолим. Активно включается в революционную борьбу. Идёт подготовка штурма казарм Монкада. Спрашивается, о какой учёбе может идти речь? Рауль Кастро расстается с Гаванским университетом. Дальнейший путь обоих братьев известен.

С октября 1959 года и до отставки Фиделя по состоянию здоровья Р. Кастро — министр Революционных вооружённых сил Республики Куба. Член Политбюро, 2-й секретарь ЦК КП Кубы, первый заместитель председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба. 24 февраля 2008 года Рауля Кастро Рус избирают Председателем Госсовета и Верховным Главнокомандующим после того, как Фидель Кастро снял с себя эти полномочия по состоянию здоровья.

В юности Рауля всегда опекал Фидель, заботясь о младшем брате. Даже в тюрьме он предпринял решительные действия, чтобы перевести Рауля из общей камеры в свою одиночку. Рауль рассказывал, как Фидель из скудного тюремного рациона подкармливал худющего брата. Заставлял его двигаться, делать зарядку, заказывал для него книги и сам просвещал Рауля, помогал ему стать человеком образованным и политически зрелым.

Рауль безусловно верен и предан Фиделю. Любит его беззаветно. Иногда можно наблюдать, как Рауль заботится о нем даже в мелочах. Скажем, поправляет у брата сбившийся ремень. Ибо Фидель, увлечённый разговором, не обращает внимания на некоторый беспорядок в более чем скромной своей одежде.

Внешне Рауль и Фидель непохожи. Фидель, как и самый старший, Рамон, — удались в отца, а Рауль унаследовал черты матери. Да и манера поведения у них различная. Рауль — подвижен, порывист, общителен, приветлив и улыбочив, Фидель более сдержан, чаще строг, серьёзен.

Но это лишь внешние проявления характеров братьев. По сути они мало отличаются. Рауль так же беззаветно увлечён работой. В деле и служебном общении строг, принципиален, придирчив. Щепетилен в вопросах чести и достоинства. Увлекаясь каким-либо делом, идеей, он активно и азартно отстаивает свою точку зрения. Иногда может и сорваться, эмоционально, резко говорить собеседнику, но отходчив и незлопамятен. При обсуждении различных вопросов, в публичных выступлениях, в изложении аргументов, логике мышления, в принципиальности при отстаивании позиции руководства, защите интересов Кубы и т. д. Рауль мало в чем уступал Фиделю.

Что касается деятельности министерства РВС, военного строительства, управления всем комплексом вооружённых сил Кубы, то здесь Р. Кастро – непререкаемый авторитет. У него, по-моему, врождённая “военная косточка”. Это чувствуется в словах, действиях, поведении. Он во всём любит порядок, как по существу, так и по форме. Неукоснительно и постоянно создает и поддерживает его в армии, особенно в отношении к военной технике.

Сам Рауль всегда по-военному подтянут, будь то форма генерала армии, строгий штатский костюм или несколько раскованная, современная, со вкусом подобранная щеголеватая пара: тёмные брюки, серый в лёгкую крапинку пиджак, к нему модный тонкий свитер или сорочка. Черные полуботинки, начищенные до блеска. Всё на нём сидит ловко, удобно. Держится Р. Кастро просто, элегантно.

Министерство Революционных вооружённых сил расположено в Гаване на площади Революции в здании дореволюционной постройки, подвергнутом позже перестройке и внутренней реконструкции.

Обычно на посольской машине мы по пандусу въезжали в подвальный этаж здания на автомобильную стоянку, затем лифтом, в правом дальнем углу, поднимались в сопровождении встречающего дежурного офицера и переводчика на этаж, где находится кабинет министра. Из лифта – вход в небольшой холл. Это своего рода памятная комната, на стенах которой – портреты бывших министров обороны СССР: Малиновского, Гречко, Устинова, Соколова, Язова и всех работавших на Кубе главных военных советников: Дементьева, Шкадова, Крутских, Кривоплясова, Кончица и других. Небольшая выставка сувениров. Она же и приемная перед залом заседаний коллегии. В центре стол, вокруг кресла для ожидания. Здесь, как правило, Р. Кастро встречал гостя (иногда даже внизу у дверей лифта). Налево – кабинет министра через крошечную приемную, где стоит стол дежурного офицера-секретаря.

Рауль Кастро обычно садится в кресло у дальнего торца своего письменного стола. Гость – в кресло по его правую руку (по протоколу). И начинается разговор. Подают маленькие, на пару глотков чашечки огненно-горячего, только что сваренного густого черного кофе. Хозяину в неизменном стеклянном стаканчике. И бокалы воды со льдом. У Рауля самый вкусный и ароматный кофе в Гаване. К концу беседы, по традиции – ставят рюмки с ледяной водкой. Закуска не требуется.

У левой стены кабинета, по движению от входа – большой напольный глобус, типа того, какой стоит в кабинете А. Н. Косыгина (оставшийся от Сталина). Над глобусом небольшой, инкрустированный деревом портрет В. И. Ленина. Напротив, у правой стены, красивый гобелен с дарственным оружием. Это единственное украшение кабинета. Далее, у правой же стены большой застекленный шкаф, набитый книгами. И совсем в дальнем правом углу дверь в комнату закрытой связи.

Хотел бы особо подчеркнуть, что Рауль весьма информированный человек. Его опыт, интуиция, постоянные связи с различными слоями населения позволяют ему хорошо знать нужды и настроения масс, воспринимать и не оставлять без внимания проблемы, волнующие людей, их заботы. Он часто вмешивается в решение острых и неотложных вопросов, помогает советом и делом. Характерно, что, будучи человеком военным, Рауль чаще, чем некоторые другие члены политбюро ЦК, вносит на рассмотрение руководства страны вопросы экономического и социального плана. Причём Р. Кастро выступает не только как генератор идей, а, предлагая ту или иную новацию, излагает и пути решения проблемы. Более того, сам активно включается в разработку и реализацию высказанных и принятых предложений.

Видимо, нет необходимости подтверждать, что перед лицом возможной агрессии со стороны США в 1981–1982 годах именно он организовал и возглавил, с привлечением широких слоев населения, осуществление мер по укреплению национальной безопасности Кубы. Была проделана колоссальная работа по созданию системы народного ополчения, формированию, обучению и оснащению этих подразделений. В беспрецедентно короткие сроки организовано надёжное укрытие средств ПВО, укреплены пограничные рубежи по периметру Кубы и т. п.

В беседах с Р. Кастро часто поднимались вопросы сельского хозяйства. Я не раз говорил ему о необходимости ослабить жёсткую централизацию государства в обеспечении продовольственного снабжения населения, привлечь для этого другие источники. обстоятельно рассказывал ему об опыте работы в СССР колхозных (крестьянских) рынков, говорил о деятельности системы потребительской кооперации на селе, организующей закупки излишков сельхозпродукции у населения, а также её переработку и реализацию. Пропагандировал особенно оправдавшую себя в трудные годы практику организации подсобных хозяйств промышленных предприятий, сельских участков в отдалённых воинских частях и т. д.

Именно он, Рауль Кастро, воспринял этот опыт. И не только убедил Фиделя и других товарищей провести эксперимент на Кубе, но сам организовал в ряде армейских частей подсобные хозяйства, что способствовало привлечению дополнительных продовольственных ресурсов для питания. По его инициативе возродились крестьянские рынки. В их работе не всё шло гладко, бывали и сбои, возникло предложение свернуть их, так как пошла волна спекуляций и коррупции. Но со временем был приобретён опыт борьбы со злом и недостатки устранены. Крестьянские рынки продают сейчас городскому населению разнообразные продукты: зерно, фасоль, рис, бобы, корнеплоды, овощи, фрукты, мясо, птицу, яйца и другие продовольственные товары. В дальнейшем стали функционировать семейные ресторанчики, закусочные, рынки ремесленников, торговля сувенирами, различными поделками, товарами массового спроса. Стала развиваться местная промышленность. Дело дошло до того, что когда в тяжелейший период в начале 90-х годов встал вопрос о выживании республики, в городах на свободных участках земли население на условиях подряда стало выращивать овощи и различные зеленные культуры.

На Кубе в середине 80-х годов принимается новая экономическая программа, её назвали “ректификация”. Одним из важнейших её направлений стало небывалое развитие туризма. Политбюро поручило возглавить эту работу О. Сьенфуэгосу. Не остался в стороне от такого большого дела и Рауль Кастро. Именно в РВС была создана организационная структура – туристская фирма “Чайка”, реконструированы и построены новые отели, турбазы, обеспечивающие сначала отдых военнослужащих, а затем и иностранных туристов. Стали создавать совместные с иностранными инвесторами современные отели. Но вся эта колоссальная работа ведётся на Кубе под контролем государства и, как всегда, помогает, опекает её Рауль Кастро.

Таким образом, личная инициатива, жизненный опыт, организованность и напористость в делах Рауля Кастро находят применение в решении многих проблем, возникающих на Кубе, как раньше, так и теперь, в современных условиях, когда на его плечи легли все заботы о родной Кубе, которые он делил без малого полвека со своим легендарным братом.